

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Альтернатива
для дураков

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Альтернатива для дураков

Серия «Альтернатива», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132380

Альтернатива для грешников. Альтернатива для дураков: ЭКСМО-

Пресс; Москва; 1999

ISBN 5-04-003879-8

Аннотация

Если у монеты на обеих сторонах решка, то орел не выпадет никогда. Это прекрасно понимает высококлассный медвежатник Счастливчик, вступая в напряженный поединок с полковником милиции Тарасовым. Каждым, кроме инстинкта самосохранения, движет и стремление переиграть противника. И только в самом конце хитроумной и опасной игры становится ясно, кто победитель.

Содержание

Вступление	4
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Чингиз Абдуллаев

Альтернатива для дураков

Вступление

– На выход, – раздался громкий голос, и он легко поднялся. Сокамерники молча смотрели ему вслед.

Длинный коридор, лязг тюремных дверей, следующий коридор. Привычные крики надзирателей. Привычные возгласы конвоиров. Еще один коридор. Еще одна дверь.

– Стоять. Руки за спину, – еще одно напоминание.

Они вошли в комнату. Сидевшие за столом двое офицеров мрачно посмотрели на вошедшего. Конвоир тяжело дышал за спиной. Офицеры ждали привычного рапорта. Но он упрямо молчал. Наконец один из них спросил:

– Чего молчишь, Счастливчик? Язык проглотил?

– Жду, чего вы мне скажете, – усмехнулся он, нагло глядя в глаза офицерам.

Они переглянулись.

– Свободен, – сказал один из них конвоиру.

Тот молча вышел из комнаты. Один из сидевших за столом был в форме полковника, другой – подполковника. Полковник, отпустивший конвоира, покачал головой и сказал своему заместителю:

– Знает ведь все заранее. Их «почта» лучше нашей работает.

– Кончай темнить, начальник, – усмехнулся заключенный, – если бы даже я не знал, то уже давно бы догадался. Моя бумага к вам пришла. Правильно?

– Правильно, Счастливчик, все правильно. Твои дружки тебе срок скостили. Бумага пришла о твоём освобождении. Вместо положенных десяти срок тебе сократили до четырех. С учетом твоего предварительного заключения мы тебя обязаны сегодня отпустить. У тебя есть какие-нибудь вопросы?

У заключенного была приятная внешность: коротко подстрижен, волевой подбородок, несколько вытянутые скулы, нос с небольшой горбинкой, голубые глаза. Он улыбнулся еще раз, демонстрируя свои прекрасные зубы. И отрицательно мотнул головой.

– Жалобы у тебя какие-нибудь есть, претензии всякие или просьбы? – прохрипел подполковник.

– Нет. Здесь прямо настоящий курорт был.

– Курорт, – повторил, багровея, подполковник, – попадешь ты еще раз к нам... Я тебе курорт устрою.

– Это вряд ли, подполковник, – засмеялся заключенный, – нас два раза подряд в одну и ту же колонию не посылают. Боятся, что мы вашу паству совращать будем. Ты ведь порядки знаешь.

– Пошел вон, – разозлился подполковник.

Заклученный повернулся, чтобы выйти, когда его остано-

вил полковник.

– Документы и свои вещи получишь у Воронова. Ты знаешь, куда идти. На улице тебя ждут твои дружки. На двух машинах приехали. Сам Крот пожаловал, твой бывший компаньон.

– Это не самая приятная новость, – улыбнулся заключенный.

– Иди ты... – встрепенулся начальник колонии, грязно выругавшись и добавив еще несколько отборных выражений, и вдруг сказал с неожиданной злостью: – Жаль, конечно, что тебя так быстро выпустили. Но ничего, Россия большая, может, еще свидимся.

Заключенный, уже не спрашивая разрешения, толкнул дверь ногой, выходя из кабинета. Офицеры посмотрели друг на друга.

– И таких подонков выпускают на волю, – зло прошипел подполковник. – О чем все они там думают, ничего не понимаю. Он же самый настоящий бандит. Ему всегда везет. В прошлый раз ничего доказать не смогли, поэтому десять лет дали. А вообще, он давно свою «вышку» заслужил. Он уже столько вооруженных ограблений планировал, в трех сам участие принимал. В последнем двоих офицеров убили, а он как бы ни при чем.

– Недаром и кличка у него – Счастливчик, – неприятно усмехнулся полковник, – он всегда сухим из воды выходит. Думаешь, я не знаю, кто у нас в прошлом месяце твоего сек-

сота прирезал? Его работа. Он нашу агентуру за версту чувствует. Но ничего доказать не смогли. А это ведь по его наводке мужика убили, я точно знаю.

– И о чем они только в Москве думают, – снова повторил подполковник, – таких бандитов досрочно отпускают, а потом говорят, что борются с преступностью. Он ведь лучший медвежатник в стране. Говорят, любой замок на спор открыть может.

– Везде одно и то же, – махнул рукой полковник, – мы здесь понемногу берем, они по-крупному в Москве. Все прогнило. Думаешь, его за хорошие глазки из колонии досрочно выпускают? Как бы не так. Кто-то там хорошие бабки взял. Такие, что нам и не снились. Ты знаешь, кто мне звонил, чтобы я подписал бумагу о его досрочном освобождении? И не поверишь, даже если скажу. Пришлось подписать, ну его к лешему. Без него спокойнее будет.

Подполковник сокрушенно вздохнул. И непонятно было, отчего он вздыхает. То ли оттого, что кто-то умудряется брать гораздо большие деньги, чем они, или потому, что опять вспомнил об отпущенном Счастливишке. Начальник колонии не стал уточнять. В конце концов они избавлялись от этого беспокойного заключенного, с которым всегда были только одни неприятности. Счастливичик принципиально не платил никому в колонии, справедливо полагая, что лучше платить высокому начальству совсем в другом месте. И этим разлагал других заключенных. В любом случае полковник

был рад избавиться от такого опасного субъекта и мысленно уже навсегда вычеркивал его из своей жизни.

Автомобиль мягко затормозил, останавливаясь рядом с другим автомобилем. Соседство выглядело несколько странным. Подъехавшая машина была всего лишь темно-синей шестой моделью «Жигулей», тогда как вторая – роскошным, «шестисотым» «Мерседесом», столь полюбившимся в Москве. Из подъехавшей машины вышел водитель, кивнул двум молодцам, стоявшим у «Мерседеса», и сел в него. Хозяин «Мерседеса» ждал его.

– Что у вас нового? – строго спросил он.

– Все в порядке. Завтра Счастливи́чик будет в городе, – быстро сообщил водитель «Жигулей».

– Этого мало, – с ударением на втором слове сказал его вальяжный собеседник, – нужно предусмотреть гарантии его безопасности. Хотя бы на три недели, пока мы не закончим операцию.

– Мы сделаем все, что в наших силах. Вы думаете, так легко было вытащить его? Вы должны понимать наши трудности.

– Это вы должны понимать свои трудности. Я повторяю: нужно предусмотреть все, что можно. Если хотите, можете вообще его спрятать где-нибудь на три недели. Нам нужны только три недели. А потом уже будет все равно.

– Я понимаю. Мы сделаем все, что в наших силах.

– Во всяком случае, за него вы отвечаете лично. Его доставка в Москву и его безопасность – все это под вашу личную ответственность. Постарайтесь на этот раз нас не подводить. Кстати, я все время хочу вас спросить. Вы не боитесь, что он просто не станет работать и сбежит?

– Нет, не боюсь.

– Почему?

– Это уже мой личный секрет. Но он абсолютно точно никуда не сбежит. Можете об этом даже не думать.

– Странно. Судя по тому, что мы о нем знаем, это не тот человек, на чье слово можно полагаться. Почему вы ему доверяете?

– Я ему не доверяю. Просто абсолютно уверен, что он никуда не убежит. Он будет работать на нас до тех пор, пока он нам нужен. В этом вопросе вы можете на меня положиться.

– Хорошо. Пусть будет по-вашему. В любом случае вы лично отвечаете за него. И еще – я хотел у вас узнать про группу Звягинцева. Тогда вы, кажется, ничего не смогли сделать.

– Вы напрасно каждый раз напоминаете мне про это. Я уже говорил, что подключился слишком поздно. И сделал все, что сумел. К сожалению, преждевременная смерть Александра Никитича разрушила наши планы.

– Надеюсь, на этот раз ничья смерть не помешает вам. И не забудьте, что группа Звягинцева все еще существует. Они как раз те самые люди, которые могут нам помешать. Они

ведь, кажется, по-прежнему работают в МУРе?

– Да.

– И вы уверены, что у вас не будет с ними проблем?

– Во всяком случае, мы сделаем все, чтобы у нас не было проблем. Они тогда долго искали, кто именно отправил конверт из министерства в ГУВД. Но ничего доказать не удалось. Хотя я думаю, что они все равно не успокоились.

– В каком смысле?

– Они все равно ищут того, кто мог им послать этот конверт. Ведь они на допросах ничего не сказали ни о предателе в своих рядах, ни о том, что случилось с ними в тот день. Все четверо оставшихся в живых твердят о том, что ничего не знают.

– Странно. Я этого не знал. Почему они себя так ведут?

– Своеобразный кодекс чести. Они точно знают, что один из сотрудников их группы был нашим осведомителем. Но не хотят в этом сознаваться. Хотя подозреваю, что они обо всем догадываются. Во всяком случае, конверт помог избежать нам очень больших неприятностей. Дело в том, что один из сотрудников группы, доставивший нам наибольшие неприятности, – Никита Шувалов, как раз перед взрывом избивал Бессонова.

– Того самого?

– Да. И у меня есть веские причины думать, что избивал он его потому, что догадался об истинной роли Бессонова. Но на допросах Шувалов ничего не сказал. Вернее, не стал

рассказывать. Но дело все равно не закрыто. Хотя начальник МУРа Краюхин и полковник Горохов очень мешают проводить любую разработку против членов группы Звягинцева. Если бы не Краюхин, можно было бы просто отстранить группу от дальнейшей работы до окончания расследования. Я же просил вас принять какие-нибудь меры. Он просто не даст нам ничего сделать.

– Нам нужно максимально нейтрализовать всех из группы Звягинцева, – задумчиво сказал его собеседник, – всех тех, кто остался в живых, – поправился он.

– Мы сделаем все, что в наших силах.

– Постарайтесь на этот раз сработать несколько точнее. Надеюсь, что особых проблем у вас не будет. А Краюхина мы нейтрализуем. Можете не беспокоиться. Уже через несколько дней он получит новое назначение. И еще... Мы должны знать о том, как идет расследование обстоятельств гибели сотрудников группы Звягинцева. Чтобы дело не пошло в нежелательную для нас сторону. Это просто сорвет всю нашу операцию. Вы меня понимаете?

– Конечно. Расследование ведет управление собственной безопасности в МВД. Вы можете не беспокоиться. Все материалы расследования будут у вас раньше, чем в министерстве.

– Кто непосредственно ведет расследование?

– Мой сотрудник, подполковник Мотин, – чуть помедлив, сказал гость.

Хозяин автомобиля быстро взглянул на него. Чуть усмехнулся, помолчал. Потом медленно произнес:

– Может, действительно на этот раз у вас что-нибудь получится. Но только помните, полковник Тарасов, что в этот раз ошибки быть не должно. Иначе вы опять сорвете всю операцию. Постарайтесь не подпускать группу к работе хотя бы еще несколько недель, пока мы подготовимся.

– А потом?

– Потом уже не имеет никакого значения: будут ли они работать в системе МВД или их выгонят оттуда. Повторяю, нам нужны всего лишь три недели. Придумайте что угодно, обвините их в любых, самых глупых и чудовищных преступлениях. Но только не разрешайте им самим разбираться в том, что именно случилось с группой Звягинцева. Только три недели. Вы можете нам гарантировать их?

– Думаю, что да. У вас нет больше никаких пожеланий?

– Оставайтесь в живых, – мрачно пошутил хозяин «Мерседеса», – и сделайте так, чтобы мы больше не увиделись в ближайшие несколько дней. Не забудьте о нашей просьбе, Тарасов. Это в ваших интересах в первую очередь.

– Я все понял.

– До свидания.

Полковник, не дожидаясь, пока его властный собеседник отпустит его, вылез из автомобиля.

Она проснулась от сильного стука в дверь. Звонили и сту-

чали одновременно. Еще ничего не понимая, лишь взглянув на часы, показывающие седьмой час утра, она вскочила с постели, натянула короткий халатик и поспешила к дверям.

– Кто там? – испуганно спросила она.

– Откройте. Милиция, – сказал властный голос за дверью.

Она посмотрела в глазок. На лестничной клетке стояло несколько мужчин, двое были в милицейской форме. Неужели опять все сначала, с ужасом подумала она. Ведь у нее уже проводили однажды обыск, четыре года назад, когда был арестован Счастливчик. Тогда все знали, что она была близка с ним. Впрочем, она этого никогда и не скрывала, появляясь даже на суде и давая свидетельские показания в качестве его сожительницы. Но сейчас стучали так громко, что она испугалась за соседей. Было раннее утро, и громкий стук мог разбудить всех соседей.

– Что вам нужно? – на всякий случай спросила она.

– Откройте дверь, – громко приказал один из стоявших за дверью.

Она приоткрыла дверь, и они сразу вошли в квартиру. Их было человек пять-шесть. С ними была и женщина, которая как-то недобро, плотоядно посмотрела на хозяйку квартиры. Посмотрела так, что та смутилась от ее взгляда сильнее, чем от взглядов мужчин. Она поправила свой короткий халатик и спросила еще раз:

– Что вам нужно?

– У вас будет проведен обыск. Вот санкция прокурора, –

предъявил бумаги один из вошедших.

– Но почему? – попыталась возмутиться она. В доме ничего предосудительного не было, это она знала точно.

– Идите на кухню, – устало сказал старший группы, – вас должны обыскать.

Она вдруг поняла, зачем здесь эта незнакомая женщина, с таким вождедением смотревшая на ее ноги, и зябко поежилась. Но у нее уже однажды проводили обыск, и она знала, что отказаться от этой процедуры невозможно. На кухне было холодно, и она сняла халатик, вздрогнув от холодных рук, прикоснувшихся к ней. Женщина долго и с видимым сладострастием водила руками по ее телу, заставив снять и ночную рубашку. Затем с явным сожалением разрешила одеться.

Она вернулась в столовую, где уже вовсю шел обыск. Здесь работали двое. Еще двое были в спальне.

– Что у вас в комод? – спросил вдруг один из них, – почему он заперт?

– Ключ лежит на столике, – спокойно показала она, уже немного успокаиваясь и теперь терпеливо ожидая, когда они уйдут.

– Господа понятые, – позвал двоих незнакомцев спросивший про ключ молодой человек. Двое шагнули к нему. Он взял ключ, открыл комод. В нем лежала стопка белья. Он мягко провел руками по наволочкам, простыням и вдруг поднял всю стопку. На полке блестели белые пакетики с ка-

ким-то порошком.

– А это что? – строго спросил он.

– Не знаю, – растерянно сказала она.

Понятые подошли ближе. Все столпились около комода. Молодой человек взял один пакетик, раскрыл его, лизнул палец, макнул в порошок и снова лизнул. Затем быстро сплюнул.

– Героин, – уверенно сказал он.

– Что? – не поверила она услышанному. – Какой героин?

Вы с ума сошли.

– Прошу зафиксировать, – строгим голосом продолжал молодой человек, уже не обращая на нее внимания, – в квартире был найден героин.

– Вы ошиблись, – растерянно сказала она, – вы ошиблись.

Это не мой... это не мой героин...

– Охотно верю. Возможно, что вы лично его не принимаете. Но вы хранили его дома, – повернулся к ней молодой человек.

– Это неправда, – закричала она, уже осознавая, что именно произошло, – это неправда. Это не мой порошок. Мне его подбросили. Мне его подложили. Это не мой героин.

Все с недоверием смотрели на нее. Халатик раскрылся, но она уже не обращала на это внимания.

– Это вы... это ты... – задыхаясь говорила она, обращаясь к неизвестному молодому человеку, – это вы мне подложили. Это не мое, это не мое...

Кажется, она кричала еще минут десять, пока наконец не услышала за спиной суровой голос:

– Гражданка Сорокина. Вам придется проехать вместе с нами.

И тогда она села за стол и разрыдалась.

Глава 1

Он приехал в каком-то неопределенном настроении, и, уже когда вошел в здание своего министерства, стало окончательно ясно, что сегодня он явно не в духе. Он буркнул нечто невразумительное, проходя через приемную, и вошел в свой кабинет. В комнате отдыха устало сел на диван, откинув голову. Потом снял очки, протер стекла, тяжело поднялся и, подойдя к холодильнику, достал бутылку минеральной воды. Только выпив холодной воды, он немного успокоился и вернулся в кабинет. Усевшись в свое кресло, с ненавистью покосился на телефоны. Потом вызвал своего секретаря.

– Заместителей ко мне, – глухо приказал он.

– Всех?

– Нет, через одного, – разозлился министр, – конечно, всех.

Он отключил селектор, недовольно мотнув головой. Потом, подумав немного, снова вызвал секретаря.

– Не нужно всех, – сказал он, – только первых заместителей. И передай, что завтра состоится коллегия. Скажи, что повестку дня мы потом уточним. Я сам все расскажу. И пригласи ко мне генерала Мальцева.

Он отключился, не став дожидаться, когда его снова о чем-то спросят. Через десять минут в его кабинете сидели два первых заместителя, настороженно поглядывающих на

министра и уже знавших, что он приехал с заседания правительства в очень плохом настроении. Последним явился начальник управления собственной безопасности Министерства внутренних дел страны генерал Мальцев. Управление было создано специально для работы среди личного состава.

– Нас опять ругали, – мрачно сообщил министр.

Оба сидевших в его кабинете генерала сделали немного огорченные и немного обиженные лица, словно давая понять министру о своей солидарности с ним из-за несправедливых обвинений в адрес МВД со стороны правительства. Генерал Мальцев нахмурился. Он уже понимал, почему в кабинет пригласили и его.

– Все эти взрывы, убийства, бардак на улицах городов, – жестко продолжал министр, – и самое главное – наши собственные кадры. ГАИ продолжает заниматься вымогательством на улицах. Вчера вымогали деньги у брата премьер-министра. Тот запомнил номер инспекторов ГАИ. Я сам все проверю, – грозно пообещал министр, – и если все подтвердится, отдам этих сукиных детей под суд.

Его заместители облегченно вздохнули. За кадры сотрудников министерства отвечал лично министр или генерал Мальцев, если провинившийся офицер занимал не слишком большую должность.

– Сколько мы вычищаем этих подлецов, а никакого толку нет, – сокрушенно продолжал министр, – во всех управлениях есть вымогатели и взяточники. Сколько уволили в

прошлом году, скольких под суд отдали, все равно ничего не помогает. Не хотят люди нормально работать. В Новгороде одного парня арестовали. Только институт кончил. Только три недели как погоны офицерские надел и уже попался на взятке. Прокуратура и ФСБ провели задержание и взяли его с поличным.

– Они могли бы сообщить и нам, – заметил Мальцев, уже знавший об этом случае.

– А ваши люди будут сидеть и ждать, когда им сообщат, – зло перебил его министр, – просто безобразие. Вы же знаете, в ФСБ любят такие дела, чтобы подставить наших сотрудников. И еще чаще мы просто ничего не знаем. А этот случай с группой Звягинцева? За два дня у них перебили почти всю группу. И к тому же там фигурировали большие суммы денег. Может, они действительно были замешаны в чем-то предосудительном?

– Газеты писали, что они герои, – осторожно сказал один из заместителей.

– Журналисты могут написать все, что угодно, – резонно заметил министр, – а нам нужно знать точно. Что там за история такая была с деньгами? Почему в ФСБ затребовали их личные дела? Мы пока ничего не знаем.

– На всякий случай мы хотели устранить всех оставшихся в живых членов группы Звягинцева от оперативной работы, – сообщил Мальцев, – но Краюхин не позволил, ссылаясь на недостаток людей. Но мы все равно сейчас проводим

собственное расследование.

– Что значит – не позволил? – нахмурился министр.

– Он доказывал нам, что они ему нужны. И поэтому мы пока не стали их отстранять. Но только пока. До окончания расследования.

– Быстрее нужно проводить расследование, – потребовал министр, – и вообще пора начать проводить второй этап операции «Чистые руки». Мы должны решительнее избавляться от предателей в наших рядах.

Он неожиданно для себя стукнул кулаком по столу. Министр явно о чем-то умалчивал. Ему не хотелось сообщать, что сам премьер выговаривал ему за плохую работу его сотрудников. Премьер был явно разгневан появившимися в ряде газет сообщениями, что среди людей, на которых вышла группа Звягинцева, были и высокопоставленные сотрудники канцелярии правительства. Он строго приказал министру разобраться во всем этом и доложить, что именно случилось и с группой Звягинцева и чем закончилось их расследование.

Рядом с премьером сидел человек, которого министр больше всего опасался. Это был один из самых влиятельных чиновников в стране. И один из самых больших недоброжелателей министра, никогда не скрывавший, что его не устраивает само существование строптивного министра внутренних дел, позволявшего себе иметь собственное мнение по многим вопросам. Министр четко знал, что он, как минер, не

имеет права даже на одну ошибку. Любое его неосторожное действие неминуемо вызвало бы обвальный скандал. А газеты с удовольствием набросятся на слишком самостоятельно-го министра, обвиняя его во всех грехах. Президент и премьер не захотят да и не смогут его защитить.

Министр помнил, что сидевший рядом с премьером чиновник в свое время сделал ставку на Александра Никитича, бывшего первого заместителя министра внутренних дел, умершего от неожиданного инсульта в своем кабинете. Уж он-то наверняка был замешан в той самой громкой истории, после которой все газеты наперебой писали о серьезном противостоянии между правительством с одной стороны и Администрацией Президента с другой.

– Во всех областных управлениях нужно сформировать специальные группы, – подвел итог импровизированному совещанию министр, – мы сами должны избавляться от недостойных сотрудников еще до того, как ими заинтересуются прокуратура и ФСБ.

Оба первых заместителя усердно закивали. Он недовольно посмотрел на них. Кажется, и прежний первый заместитель тоже усердно ему поддакивал, пока не выяснилось, что он метит на его место. Нет, доверять заместителям нельзя. Каждый из них при мало-мальски удобном раскладе захочет занять его кресло. Время нынче такое нестабильное. Сколько чиновников за эти несколько лет слетело со своих мест. Ему еще повезло, что к их министерству благосклонно отно-

сится сам Президент. Иначе министр давно ловил бы бабочек у себя на даче. Чтобы удержаться на своем месте, нужно было постоянно маневрировать, отражая атаки мнимых и явных врагов в правительстве и среди высших чиновников. И от этой возни он уставал больше, чем от любой работы. Министр был типичным служакой, генералом, получившим свои погоны за тяжелую службу, а не за подковерные интриги. И теперь в пятьдесят лет ему приходилось осваивать нелегкое искусство дипломатических интриг и закулисных сплетен. Это было противно и неприятно. Он нахмурился.

– Все свободны. Генералу Мальцеву остаться.

Когда они остались вдвоем, он спросил:

– Как идет расследование?

– Пока ничего конкретного, – коротко сообщил генерал, – ясно лишь одно: конверт, который прислали в ГУВД, послан из министерства. Все оформлено как положено. Мы проверяли несколько раз. Конверт послан из министерства, там находилось обычное письмо, даже не секретное. Вся документация проходила под нашим контролем. Непонятно, когда и кто подменил конверт. Очевидно, они знали, что его будут открывать именно в МУРе. Наши эксперты считают, что работали прекрасные профессионалы.

– Кто подписал сопроводительные документы?

– Александр Никитич, ваш первый заместитель.

– Он уже умер, – отмахнулся министр, – кто готовил до-

кумент?

– Пока неясно. После смерти Александра Никитича мы проверили всю документацию. Конверт проходил через общий отдел. Там было обычное письмо, зарегистрированное по всей форме. Но кто-то сумел подменить конверт, пока его везли в ГУВД. Курьер утверждает, что конверт был все время при нем. Мы проверили его показания, допросили водителя. Все совпадает. Но люди погибли. Когда конверт вскрывали, он взорвался. На месте погибли Звягинцев и Бессонов. Взрыв мог убить еще нескольких человек, если бы Звягинцев не бросился на конверт.

– Таких людей теряем, – покачал головой министр. – А с убийством Дятлова разобрались?

– Пока нет. Ясно лишь, что убийцей был кто-то из офицеров управления, возможно, даже из группы Звягинцева. И этот убийца мог подменить конверт, решив устранить всех оставшихся свидетелей. Сейчас мы проводим собственное расследование. Это довольно непросто, так как члены группы после случившейся трагедии замкнулись в себе, на наши вопросы отвечают крайне неохотно. Их осталось четверо – Хонинов, Маслаков, Аракелов и Шувалов. В отношении последнего у нас есть большие и вполне обоснованные подозрения.

– Чем обоснованные?

– За несколько секунд до взрыва он в присутствии свидетелей избивал погибшего затем Бессонова. Мы подозреваем,

что между Шуваловым и Бессоновым возникла какая-то ссора, которая могла произойти и на почве денег. Но сотрудники группы упорно молчат об отношениях Бессонова и Шувалова. К сожалению, непонятную позицию заняло руководство МУРа и ГУВД, вернее их руководители, стремящиеся во всем покрывать своих офицеров.

– Точнее! – рявкнул министр.

– Полковники Горохов и Краюхин считают, что Шувалов не только ни в чем не виноват, но и, наоборот, заслуживает всяческого поощрения.

– За драку в управлении? – нахмурился министр. – Они свой бардак пытаются прикрыть. Им стыдно признаваться, что их офицера, как дешевку какую-нибудь, придушили в собственном туалете. Я уже Панкратову говорил, что у него там полный развал. Видимо, нужно будет серьезно подумать об укреплении кадров столичной милиции. Особенно в МУРе. О чем только Краюхин думает, если он и после случившегося хочет покрывать своих офицеров. Хотя все равно уже поздно. Я вчера его документы подписал.

– На пенсию? – выразительным голосом спросил Мальцев.

– Рано ему еще на пенсию. Из аппарата Президента пришел указ о присвоении ему генеральского звания. Мне звонили оттуда. Говорят, Президент указ подпишет, но с одним условием, чтобы я Краюхина из МУРа убрал. Не справляется он с преступностью в городе. В общем, я согласился.

– И куда теперь его?

– В Новгород поедет. Начальником областного управления. Формально это даже повышение.

– А он согласится? – осторожно поинтересовался Мальцев.

– А его никто и не спрашивает, – нахмурился министр, – Краюхин хороший оперативник, честный человек. Просто иногда дипломатичности не хватает. Считает, что он по-прежнему простой оперативник, а не начальник МУРа. Вот пусть теперь свою бескомпромиссность в Новгороде показывает. Там как раз он и сумеет себя проявить.

– А кто вместо него?

– Пока никого не назначили. Нужно будет подобрать нормальную кандидатуру. Я Панкратову уже сказал, что пришлю в МУР своего человека. Хватит нам во всем им потакать. А вы ведите свое расследование. Не обращайтесь ни на какие обстоятельства. Все расследование проведите как нужно. Мы должны знать точную картину случившегося. Кто у вас конкретно отвечает за расследование?

– Подполковник Мотин. Он опытный специалист. А всю группу возглавляет полковник Тарасов. Я вам про него докладывал. Он недавно переведен к нам из Казахстана.

– Очень хорошо. Пусть копает поглубже. Не нужно его ограничивать. Мы должны иметь полную картину случившегося, – повторил министр. – И вообще, разберитесь конкретнее, что там произошло? Такое ощущение, что они что-то недоговаривают. Как могло так получиться, что в течение

практически одного дня они потеряли столько людей в разных местах. Как будто кто-то объявил на них охоту. Так не бывает. Нужно все проверить еще раз. И скажите Горохову, чтобы не мешал. Тоже мне герой нашелся. После драки все у нас герои.

Мальцев согласно кивнул. Но не стал комментировать слова министра.

– Все-таки разберитесь, как попал этот чертов конверт в МУР, – неожиданно сказал на прощание министр, – может, его никто и не менял?

– Что? – спросил пораженный Мальцев. – Что вы сказали?

– Ничего, – устало ответил министр, снимая очки. Он сразу стал как-то мягче. Стали видны мешки под глазами, усталые, воспаленные глаза, осунувшееся лицо. Он словно постарел на добрый десяток лет, сняв очки. Посмотрев на сидевшего напротив него генерала, близоруко прищурился и снова сказал: – Ничего, – а потом, словно опровергая собственные слова, тихо добавил: – Много у нас предателей развелось в последнее время, генерал. Очень много. Не знаешь, кому верить, а кому не верить. Время такое паскудное.

Он надел очки, словно обретая привычное равновесие, и сухо подытожил:

– Расследование провести по всей форме. Если понадобится, подключите и других сотрудников. В любом случае мы должны иметь всю картину случившегося. Хотя бы для того, чтобы такое больше никогда не повторялось.

Глава 2

Мы до сих пор не можем ничего сделать. Прошло уже два месяца после смерти нашего Михалыча и ребят из нашей группы. Два месяца после того дня, когда мы потеряли всех наших ребят. Когда убили Дятлова, когда застрелили одного за другим наших офицеров и, наконец, когда наш командир бросился на этот проклятый конверт, чтобы взорваться и погибнуть вместе с Бессоновым, лицо которого мне иногда снится.

И еще мне снилось лицо Людмилы Кривун, которую убили в вагоне поезда, когда мы пытались сбежать из Москвы, чтобы спасти ее и выиграть время. Сейчас я думаю – какими наивными мы были. С самого начала было ясно, что те, кто затеял эту страшную рулетку, не были дилетантами. И умели просчитывать свои действия куда лучше нас.

Конечно, мы ничего никому не рассказывали. Кому докажешь, что среди нас действовал сукин сын, который не только закладывал наших ребят, но и убил раненого Дятлова в самом здании управления. Про это и подумать страшно. Кому расскажешь, что скоропостижно скончавшийся Александр Никитич наверняка имел отношение к нашим делам. Но он так внезапно и так подозрительно скоро умер, что мы все равно ничего не могли узнать. Да и про фотографии мы должны были молчать, чтобы не подводить Горохова. Мы

ведь понимали, что нашего полковника просто подставили, чтобы потом использовать и убрать в нужный момент. Поэтому мы и молчали. И целых два месяца мы приходили на работу, здоровались с коллегами – хорошо еще у нас пока удостоверений не отобрали, – а потом садились в кабинете и ждали, когда нас вызовут к очередному следователю прокуратуры или ФСБ.

За эти дни мы обо всем договорились и все себе уяснили. Мы ведь тоже не дети малые. К этому времени мы уже многое понимали. Да и Горохов с Краюхиным нас в обиду не давали. Всех следователей из ФСБ и прокуратуры отшивали, чтобы нас не обижали. Через три дня после смерти Михалыча нас вызвали в кабинет к Краюхину и он коротко, как обычно, сказал:

– Значит, так, ребята. Звягинцева мы все равно не вернем. И ваших товарищей тоже не вернем. Сейчас вы сядете и все мне честно расскажете. Все, что знаете.

Краюхину мы, конечно, верили. Он мужик настоящий, толковый, все и без нас понимал. Да и Горохов к тому времени был явно на нашей стороне. Поэтому мы все и рассказали. И про Липатова, и про Скрибенко, и про Баркова. Краюхин внимательно слушал, иногда багровея. Только про Решко я не сказал, решив не рассказывать, почему я его избивал около здания министерства, а может, просто решил оставить его как козырную карту про запас. Михалыч ведь всегда говорил, что у настоящего оперативника одна такая карта обя-

зательно должна «в запасе» оставаться. Вот я про Решко и не сказал. А все остальное мы рассказали.

Потом сведения пришли и о перестрелке на квартире Кривун, и об убийствах в поезде. В общем, все совпало. Мы думали, что Горохов и Краюхин все министру расскажут и наконец все точки над «і» расставят. Но через два дня нас вызвал к себе мрачный Краюхин. Он ткнул пальцем в какую-то бумагу, лежащую перед ним на столе.

– Вот сообщение из ФСБ, – мрачным голосом сообщил он, – вчера убит полковник Барков. Застрелен в подъезде собственного дома. В общем, так, ребята. На этом деле поставлена точка. Грязное это дело, политикой пахнет и большими деньгами. От следователей я вас отмыть постараюсь. А вы свои языки придержите и все дурные мысли из головы выбросьте. Все, кого вы наказать хотели, уже и так наказаны. Умер Александр Никитич, и застрелили Баркова. Поэтому мы можем считать дело официально закрытым. И чтобы я от вас больше никогда не слышал ни одной фамилии.

В общем, все так и случилось. Скоро следователи от нас отстали. Краюхин решил нашу группу усилить, вернее, сформировать заново, к тому времени нас осталось всего лишь четверо. Но ничего не успел сделать. Он только разрешил нам приступить к работе. И тут мы узнали, что он стал генералом. И про его перевод в Новгород тоже узнали. Мы даже не могли подумать, что это связано с нашим делом, но Краюхин, видимо, сумел что-то разузнать. Проводы его бы-

ли веселыми, все ребята ему на прощание в любви признавались. А он после этого нас четверых к себе в кабинет вызвал, дверь закрыл, почему-то включил телевизор, словно боялся, что будут прослушивать и его комнату. А потом сказал нам очень серьезно:

– Не нравится мне этот внезапный перевод, ребята. И мое назначение мне тоже не нравится. Не знаю, с чем это связано, но очень подозреваю, что ваша история с пачками денег и ответственными сотрудниками правительства сыграла здесь не последнюю роль. А может, меня просто отстранить хотят от этого дела. В любом случае вы должны знать, что я про вас помню. Кто захочет, может подать рапорт о переводе в Новгород. Я в любом случае готов там принять любого из вас.

Он помолчал немного, а потом добавил:

– Вы здесь только дров не наломайте. Приказ о вашем допуске к оперативной работе я уже подписал. Если будут сложности, обращайтесь к Горохову. Он вас всегда поддержит.

Потом обнял каждого из нас и ничего больше не добавил. Мы успели проработать только несколько дней после его отъезда. Горохов уже подбирал в нашу группу офицеров, некоторые были очень даже толковые ребята, когда из министерства пришел приказ о нашем отстранении от оперативной работы. На этот раз нами заинтересовалось управление собственной безопасности нашего ведомства. И это было куда

хуже, чем все следователи прокуратуры и ФСБ, вместе взятые.

Из всей этой истории постепенно становится ясным один очень парадоксальный факт. Самые ожесточенные схватки, самые непримиримые враги, самые страшные преступления происходят во время гражданских войн, когда свои убивают своих. Вот так и у нас в милиции. Мы корпоративно не любим ни контрразведчиков, ни прокуроров. Но когда за дело берутся псы из управления собственной безопасности, это хана. Это самое страшное, что может быть. Там сидят суки, которые знают про нас все. И даже немного больше. Поэтому если на тебя вышли псы из этого управления, то можешь либо сразу стреляться, либо просто снимать погоны. Они все равно достанут тебя, как бы ты от них ни прятался.

Но мы-то знали, что ни в чем не виноваты. И хотя нас можно было обвинить в целой куче грехов, тем не менее мы все-таки еще надеялись на объективное разбирательство.

И тем не менее нас опять отстранили от работы и приказали явиться в понедельник к десяти часам утра в управление к какому-то Тарасову. Вечером в субботу мы собрались в нашем любимом баре у Славы. Вообще-то, у бара было свое название, но все называли его баром «У Славы». Барменом там работал невероятно толстый и невероятно благодушный Слава, которого знал весь город. Он никогда не хитрил, никогда не подсовывал вам третьесортное пиво, никогда не баловался пенкой. Он был настоящий бармен и соответствен-

но запрашивал за свои услуги всегда немного больше, чем в других барах. За профессионализм. И все с удовольствием ему платили.

В этот вечер пиво у него было особенное. У него вообще всегда хорошее пиво. Только не зарубежное, не эта баночная гадость, а настоящее бочковое пиво, которое нужно пить с хорошей рыбкой или с соленым горохом. Я еще десятиклассником был, когда мы бегали в пивную, и я там пробовал пиво с горохом. В общем, собрались мы вчетвером и опять обсуждаем нашу хреновую ситуацию.

– Я, наверно, уйду из милиции, – сообщил вдруг Маслаков, – ребята зовут в охранный агентствo. Там зарплата в десять раз больше, да и работы поменьше. А здесь рискуешь собственной шкурой и тебя еще обвиняют непонятно в чем.

– Никто нас не обвиняет, – рассудительно заметил Аракелов. Он вообще рассудительный парень, но иногда бывает слишком нетерпелив, – просто хотят разобраться, что с ребятами случилось. Вы ведь сами говорили, что разбираться все равно нужно. Баркова убили, а кто это сделал? Кто такую подставу придумал для наших ребят? Может, в управлении разберутся.

– Шиш тебе разберутся, – ответил я ему злым голосом, – пока разбираться будут, нас еще сто раз с работы выгонят и еще сто раз какое-нибудь дело пришьют. Нельзя верить этим охотникам из управления безопасности. Они натренированы только на охоту.

– Разберутся, – махнул рукой, соглашаясь со мной, Маслаков, – ничего они не разберутся. Формально дело об убийстве Дятлова еще не закрыто. Значит, будут копать до конца. Пока не найдут убийцу. А его все равно не найдут. Значит, обвинят кого-нибудь из нас. Уходить надо, ребята, пока не поздно. Ну их всех к черту.

Сергей Хонинов молчал. После смерти Звягинцева и Зуева он у нас за командира. Он всегда молчит. Не любит вообще разговаривать. Может, потому, что он немного заикается. Или потому, что он единственный из нас может в любой момент уйти, оставив службу. У него такие ранения были в армии, что его в любой момент списать можно. Но он точно никуда и никогда не уйдет. Он полтора года добивался права работать на оперативной работе. Михалыч, наш бывший командир, подполковник Звягинцев, за него у самого Панкратова просил. Сергей молча пил пиво и слушал наш разговор, как будто он не имел никакого отношения ни к этим беседам, ни к нашим спорам.

Потом, чуть заикаясь, выговорил:

– Нам самим с этим делом еще ничего не ясно.

Вот за что я его люблю, так это за четкую постановку вопроса. Он бывший военный, а у них мозги так устроены, что прежде всего нужно ставить четкую задачу, чтобы подчиненные поняли. У нас в милиции больше экзотики. И больше импровизации. У военных больше порядка и больше четкости в выполняемых действиях. Вот так одной фразой Хони-

нов сразу перевел наш разговор из разряда пивных баек на конкретную тему.

– Что тебе неясно? – вскинулся Аракелов. – Может, ты думаешь, кто-то из нас Дятлова задушил и все эти подлянки устроил?

– Не думаю, – невозмутимо отозвался Хонинов, – просто мы два месяца глупо себя ведем. Нам самим нужно было работать, а не ждать, пока прокуроры и следователи во всем разберутся.

– Ты же помнишь, что нам сказал Краюхин, – встрял Маслаков, – он просил нас не высовываться. Да и Баркова этого давно убили. Чего мы будем копать, если за нас все равно отомстили?

– Это еще неизвестно, – почему-то мрачно заметил я, и все уставились на меня. Я попытался сделать вид, что ничего особенного не сказал. Но все трое смотрели на меня, и я понял, что должен еще что-нибудь добавить.

– Бессонов погиб, – словно спрашивая, говорит Аракелов.

– Правильно, – согласился я, – но ведь кто-то послал этот конверт из министерства? И я знаю, кто.

Вот тут у Маслакова рука дернулась, и он пиво чуть не пролил себе на брюки. Сережа Хонинов на него посмотрел, потом на меня и строго так сказал:

– Ну?

– Я думаю, что Александр Никитич сыграл здесь не последнюю роль, – неохотно сказал я.

Вообще-то, я – сука. Нужно было давно им все рассказать. Но я просто устал. И немного боялся. Видел я, сколько моих товарищей они за день угрохали. И думал отсидеться, никому и ничего не рассказывать. А может, просто хотел выждать время и сам все разузнать, чтобы ребят еще раз не подставлять. Я и сам не знаю, что я хотел, но про мои приключения я им подробно не рассказывал. Вернее, рассказывал, но всегда упустил одну подробность. Что я перед тем как в управление приехал, еще в министерство заезжал. И там точно убедился, что за всеми этими событиями стоял Александр Никитич. Но наш бывший генерал был уже давно на том свете, а я очень не хотел неприятностей.

– Это мы и сами знаем, – строго сказал Хонинов, – ты, Никита, не темни. Ты нам лучше скажи, что ты знаешь еще. Я ведь чувствовал, что ты что-то скрываешь, не до конца договариваешь. Но думал, ты ребят погибших выгораживаешь, не хочешь лишний раз их пачкать.

– Верно, и ребят тоже не хотел лишний раз марать. Я вас подставлять не хотел. Я, кажется, знаю, кто мог послать такой конвертик.

Хонинов поставил свою кружку на стол и строго на меня посмотрел. Так строго, что мне сразу неприятно стало. Словно это я был предателем. И меня нужно было на куски резать как убийцу Влада. Я первый отвел глаза. А потом сказал:

– Прости, командир, но я думал – так будет лучше. Не хотел вас в это дерьмо снова втягивать. Думал, без вашей

помощи обойдусь.

– Ты уж говори, раз начал, – посоветовал мне Хонинов.

– Мне Людмила Кривун перед смертью успела сказать, что ей звонили из министерства в десять часов вечера. Позвонили и сказали, чтобы она была готова к ночному выезду.

– Ну и что? – разочарованно спросил Аракелов.

– Сейчас объясню. А от Ленки Свиридова, который дежурил в ту ночь, я узнал, что сообщение о группе Коробка поступило только в одиннадцать вечера. Значит, кто-то точно знал, что Метелина позвонит в одиннадцать часов и в ту ночь будет назначена эта операция.

Ребята молчали. Маслаков и Аракелов растерянно переглянулись. Только Хонинов сидел как ни в чем не бывало. Потом медленно спросил:

– Кто звонил, знаешь?

– Знаю.

– Фамилию тоже знаешь?

– Да.

– И ты все это время молчал? – безжалостно спросил меня Хонинов.

– Да, – опустил я голову.

Он вдруг резко дернул правой рукой. И точно вlepил мне прямо в морду. Ну и поделом вlepил. Он ведь не дешевой был, а настоящим боевым офицером. Понял, что я просто испугался, решил больше ни с кем не связываться. И товарищей предал. Я такого резкого и сильного удара не ожидал. И

поэтому упал на пол, опрокидываясь на стуле. Со всех сторон подбегали клиенты бара. Даже Слава нахмурился. Он ведь точно знал, где мы работаем. И когда к нам один парень подскочил, чтобы что-то сказать, он его уже по инерции тоже отбросил. Сильным ударом локтя. Тот упал, а подоспевший Слава развел руками характерным жестом, как обычно на ринге судьи разводят боксеров.

– Иди, иди, – взял он за шиворот незадачливого посетителя, – не нужно лезть в чужую драку. Видишь, люди спорят. Ты лучше пойди и сядь в сторонке, я тебе пива бесплатно поставлю.

Вот за такие вещи все Славу и любят. Он обычно чутко улавливает, где и что происходит. И сразу вмешивается, чтобы людей зря не нервировать. Посетитель отошел, а я поднялся с пола. Нос у меня был в крови, и я платок носовой достал. Сергею врать было нельзя. Он понял, что я просто боялся. Я сел напротив него, уже зная, что второй раз он меня не ударит. Он внешне остался таким же невозмутимым, как прежде. Маслаков и Аракелов тяжело дышали, но пока молчали, не вмешиваясь в наш разговор.

Я не хотел смотреть им в глаза. Особенно в глаза Сережи Хонинова. Теперь я понял, почему не сопротивлялся Миша Бессонов, когда я его так страшно бил, перед самым взрывом конверта. Взгляды товарищей могут сковать тебя гораздо сильнее самых крепких наручников. А когда ты чувствуешь, что драться не имеет смысла хотя бы потому, что твоя

позиция полное дерьмо, тогда понимаешь, что твой соперник все равно тебя измочалит. Может, поэтому в уличных драках побеждает обычно тот, кто считает себя более сильным. Не самый сильный, а именно считающий себя самым сильным. Важна твоя внутренняя позиция. Или самый стойчивый, что тоже немаловажно.

Я приложил платок к носу, пытаюсь остановить кровь. Слава принес мне стакан холодной воды и пачку салфеток. Он настоящий психолог, это бармен. И несмотря на свои необъятные размеры, очень деликатный человек.

– Теперь скажи нам его имя, – потребовал Хонинов.

Я прошептал фамилию офицера. Хонинов кивнул. Потом посмотрел на ребят и невозмутимо сказал:

– Мы ведь сейчас не на службе, ребята. Нас временно отстранили. Значит, нам никто не помешает самим до всего докопаться. Как частным лицам. А ты, Маслаков, кажется, собрался уходить в частное агентство?

– Когда? – сделал удивленное лицо Маслаков. – Я с вами, командир.

– А ты, Аракелов? У тебя, может, тоже какие-нибудь свои планы?

– Нет. Мои планы с твоими совпадают, Сергей, ты можешь на меня рассчитывать.

Хонинов кивнул головой и наконец посмотрел на меня. Потом вдруг посоветовал:

– Еще одну салфетку возьми.

Я послушался его совета. Взял салфетку. Приложил к лицу.

– Ты с нами?

– А как ты думаешь? – разозлился я.

– Тогда давайте решать, что нам делать дальше, – заключил Хонинов, словно ничего не произошло. – И расскажи нам все еще раз, но только очень подробно.

Глава 3

Подполковник Гвоздев работал в органах больше двадцати лет. Он пришел в милицию сразу после армии. Работал сержантом и водителем в уголовном розыске далекого от столицы Братска. Затем была Высшая школа милиции, долгая практика. Через двадцать два года после того, как он впервые надел на себя форму сотрудника милиции, Гвоздев был уже подполковником и работал в Московском уголовном розыске.

Он был невысокого роста, крепко скроенный, широкоплечий. Взгляд у него традиционно был хмурый и мрачный, многие коллеги называли его Гвоздем. Он был неудобным сотрудником, никогда не угождавшим начальству. Его невозможно было заставить изменить мнение или немного «подправить» факты при докладах руководству. Может, поэтому он и дослужился всего лишь до подполковника. Гвоздев был оперативником божьей милостью, но характер имел неудобоваримый и, собственно, так ни с кем на службе и не подружился. Такому характеру соответствовало и то обстоятельство, что Гвоздев почти пятнадцать лет провел на оперативной работе и большей частью встречался не с самыми лучшими представителями человеческого рода.

Кроме того, по должности он еще занимался и работой с агентурой, когда приходилось идти на контакт со штатны-

ми стукачами, двойными агентами, просто подонками, доносившими на своих друзей. Правда, иногда он встречался и с сотрудниками милиции, засланными для агентурной работы в ряды бандитов или посаженными в камеры к уголовникам. Но таких отчаянных смельчаков было очень мало, и встречались они гораздо реже, чем принято было думать. В милиции советского государства не любили рисковать судьбами своих сотрудников, предпочитая использовать в качестве обычных «подставок» рядовых уголовников.

Гвоздев был известен в уголовном мире как честный и порядочный человек. Его уважали и боялись уголовники, зная, что купить Святослава Гвоздева невозможно. Мать у него была из Могилева, из Белоруссии, и именно она назвала его Святославом. А отец был кадровым военным, и из воспоминаний детства Гвоздеву запомнились только частые переезды из одного военного гарнизона в другой.

Подполковник читал агентурное сообщение одного из своих осведомителей и недовольно хмурился. В сообщении агент указывал, что встретил в Москве недавно освободившегося из мест заключения Счастливого – известного медвежатника, который хвастался, что освобожден вчистую. Но не это раздражало и злило Гвоздева. Он злился из-за другой бумаги, полученной им только что из информационного управления. На его срочный запрос о месте нахождения Счастливого пришел ответ, что известный уголовник, которому, по расчетам подполковника, нужно было сидеть еще

несколько лет, уже вышел на свободу и был действительно освобожден досрочно.

Гвоздев вчитывался в бумажку, не понимая, что происходит. Известный уголовник, дважды бежавший из колонии, имевший в общей сложности восемь судимостей и одиннадцать лет лагерей, несмотря на свой относительно молодой возраст, Счастливчик был выпущен на свободу, и его документы были оформлены как полагается.

Подполковник невольно выругался, с презрением отодвигая от себя оба сообщения. Однажды он занимался Счастливчиком и даже встречался с ним, когда работал в Волгограде еще двенадцать лет назад. Достаточно было одной встречи, чтобы понять – такие, как Счастливчик, никогда не могли «исправиться или перевоспитаться». Это был убежденный в своей правоте наглый негодяй, которого просто невозможно было убедить, что он занимается недостойным человека делом.

И теперь такой тип запросто приехал в Москву и даже стал открыто появляться в ресторанах, похваляясь своей свободой. Гвоздев нахмурился. Такой медвежатник, как Счастливчик, не мог появиться в Москве просто так. По всем расчетам, он должен был немедленно уехать за границу, сразу же после освобождения. Его называли Счастливчиком не потому, что он умудрялся избегать сурового наказания, каждый раз производя впечатление на судей и следователей своей относительной интеллигентностью и мягкой, доброй

улыбкой. И даже не потому, что до сих пор не удавалось доказать его участия по меньшей мере в нескольких очень крупных кражах со взломом, и даже не потому, что на руках его подручных была кровь нескольких жертв, от которой они старательно отмывали Счастливого. Он заслужил эту кличку и потому, что почти никогда не удавалось найти похищенные им деньги и драгоценности. Он умудрялся прятать их таким образом, что их никто не мог отыскать. И соответственно, в деле эти ценности не фигурировали, несмотря на все усилия следователей. Более того, Счастливчик умудрялся обойти и своих подручных, не доверяя никому из них то, каким образом и куда он прячет основную часть похищенного.

Именно поэтому он всегда имел в своем распоряжении очень большие деньги и как следствие массу друзей и подручных, готовых сделать для него все, что угодно. Но именно поэтому он и должен был сразу же после обретения свободы рвануть за рубеж, как это уже сделали очень многие известные авторитеты, предпочитая руководить своими подручными из Вены и Праги, Берлина и Парижа, Нью-Йорка и Монреала.

По всем расчетам, у Счастливого было очень много денег, чтобы суметь обосноваться где-нибудь подальше от беспокойной Москвы, давно превратившейся в настоящий полигон «для выживания» и ставшей гораздо опасней для авторитетов, чем привычная среда обитания в самых суровых

колониях. Но Счастливчик сразу после освобождения решил не мешкая приехать в Москву. Гвоздев не верил в сентиментальность бандита. Он не сомневался, что освобождение уголовника было куплено за большие деньги. Абсолютная коррупция в правоохранительных органах ни для кого не была секретом. Но почему Счастливчик, получивший возможность выйти на свободу, не торопился покинуть Россию? Ведь на нем висело еще несколько нераскрытых преступлений. И в любой момент дотошный следователь мог выйти на кого-нибудь из его пособников, заставив последнего проявить большую откровенность. И тогда Счастливчик мог снова оказаться в колонии, откуда его вытащили с таким трудом.

И тем не менее он приехал в Москву и даже рискнул появиться в своих кругах. Гвоздев подчеркнул название ресторана, решив, что ему нужно присмотреть за этим местом. И обвел название колонии, откуда был условно-досрочно освобожден Счастливчик. Подполковник не сомневался, что соответствующий заграничный паспорт для Счастливчика с измененной фамилией и именем уже давно лежал в кармане медвежатника. Купить или сделать такой паспорт не представляло никакой сложности, и в Москве это знали не только сотрудники милиции и уголовники, но и обычные граждане.

Гвоздев еще раз посмотрел на лежавшие перед ним сообщения. Почему Счастливчик появился в Москве именно сейчас? Он подумал, что нужно будет задействовать

всю имеющуюся агентуру. О приезде такого авторитета, как Счастливчик, обязательно должны были узнать и другие агенты. Счастливчик никогда не работает один. Любое его преступление всегда тщательно планируется и так же тщательно готовится. У него масса помощников, советников, просто друзей, готовых подстраховать его в момент неудачи. У него есть и резервные варианты действий на случай провала. Об этом знали все, кто хоть раз сталкивался со Счастливчиком.

Почему он все-таки приехал в Москву, недовольно подумал подполковник. Что он здесь потерял? Или он готовит новое крупное дело, чтобы потом окончательно залечь на дно? Или приехал, чтобы улететь отсюда за границу? Но тогда почему он появляется в ресторане, похваляясь тем, что его выпустили на свободу. Он ведь мог затаиться где-нибудь, пересидеть, пока ему подготовят паспорт и билеты. Если бы он хотел уехать, он бы так и поступил. Если же он готовит большое дело, то ему нужно быть на виду, на людях, чтобы собрать новую группу, подготовить свое преступление и дать знать всем бывшим подручным, что он готов действовать. Только в этом случае ему нужно появиться в ресторане. Гвоздев нахмурился. Теперь он не успокоится, пока не выяснит, что планирует сделать Счастливчик. И для этого ему понадобится задействовать в этой операции всех своих сотрудников. Иначе ему просто не справиться с таким опасным соперником.

Вечером этого дня он уже встречался на конспиративной квартире с одним из своих лучших агентов, которого берег для особых случаев. Леонид Пирожков, имевший три судимости и завербованный оперативниками еще во время первой отсидки, был одним из самых надежных и самых лучших агентов уголовного розыска, всегда давая наиболее качественную информацию. Пирожков был вне подозрений у братвы и ходил в лидерах одной из подмосковных группировок. Ему разрешалось заниматься вымогательством и поборами, милиция сквозь пальцы смотрела на его преступления. В этом был самый большой парадокс любой агентурной работы уголовного розыска. С одной стороны, необходимо было иметь как можно больше осведомителей в уголовном мире, с другой – нужно было закрывать глаза на их преступления, чтобы не демаскировать полезных людей, поставляющих нужную информацию. Со своей стороны, агенты, уверовавшие в свою безнаказанность, становились все наглее и откровенно нарушали закон, полагая, что теперь имеют надежную «крышу». Получался своеобразный торг, когда за действительные преступления осведомителей не трогали, получая взамен столь нужную оперативникам информацию.

Гвоздев знал о многочисленных прегрешениях Пирожкова, знал о случаях откровенного вымогательства со стороны его многочисленных подручных, о фактах насилия. Но он знал и другое. Тот объем информации, который давал Пирожков, был слишком важен для оперативников. Эта по-

стоянная раздвоенность и сделала Гвоздева меланхоликом, страдающим язвой желудка. С одной стороны, он понимал, как важна информация Пирожкова, с другой – каждый раз при встрече с этим агентом он испытывал неодолимое желание набить морду негодяю, который так откровенно спекулировал на своем стукачестве.

Пирожков приехал на встречу в дорогом костюме, купленном за тысячу долларов в одном из тех магазинов, в которые обычные люди никогда не заходили. У него были редкие волосы, полноватые губы и сплюснутый, картошкой нос. Внешность далеко не самая аристократическая, чего нельзя было сказать о его нарядах. Очевидно, он сам чувствовал свою ущербность, предпочитая носить самые дорогие костюмы и вызывающей расцветки галстуки. Войдя в квартиру, он кивнул подполковнику и с недовольной миной уселся на диван, всем своим видом давая понять, как ему неприятно иметь дело с таким человеком, как подполковник Гвоздев. В свою очередь, и подполковнику было неприятно присутствие человека, которого он не любил и с которым не хотел бы встречаться.

– Здравствуй, Пирожков, – негромко сказал он, – тебя не учили здороваться, когдаходишь в комнату?

– А вам не говорили, что к агентам нельзя придирааться? – нагло ухмыльнулся Пирожков. – Я ведь вам столько пользы приношу.

– Это тебе так кажется, – покачал головой подполков-

ник, – твоя информация – полная дрянь, а терпим мы тебя только потому, что никому неохота мараться с такой грязью, как ты.

Пирожков задумался. Спорить с подполковником не входило в его планы.

– Всегда вы ко мне придираетесь, – миролюбивым тоном сказал он, – не любите вы меня, гражданин подполковник.

– Еще скажи, чтобы я на тебе женился, – разозлился Гвоздев.

– Я вам не «голубой», – обиделся Пирожков.

– Ну тогда и не болтай про любовь, – посоветовал подполковник, – и кончай свои дурацкие разговоры. Я рожу твою видеть не могу, а ты приходишь и еще начинаешь права качать.

Пирожков молчал, не решаясь больше спорить.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно кивнул подполковник, – дело у нас к тебе есть, Пирожков, очень важное дело. И не вздумай хитрить, не получится. Я ведь все равно обо всем узнаю.

– Что вам нужно? – нахмурился Пирожков.

– Ты о каком-нибудь крупном готовящемся деле не слышал? Может, краем уха кто говорил? Или тебе что-нибудь известно?

– Устранять кого-то должны?

– Нет. Просто, по нашим сведениям, в Москве готовят крупное ограбление, и мы хотим знать, где именно оно про-

изойдет.

– В Москве каждый день кого-нибудь грабят, – усмехнулся Пирожков, – я за всеми бандами уследить не могу.

– Ты не паясничай. Я тебя про разную шушеру не спрашиваю. Я о серьезном деле говорю, об очень серьезном.

– Понимаю. Но ничем помочь не могу. О паре-тройке мелких дел я слышал. Но никакой «крупняк» мимо меня не проходил.

– Значит, не проходил, – поднялся со своего стула Гвоздев. Походил по комнате, потом посмотрел на Пирожкова и вдруг спросил: – А про возвращение Счастливого ты слышал?

– Да об этом вся Москва гудит, – сразу вскинулся Пирожков, – только ничего не получится, начальник. Он ведь чисто вышел, по закону вашему. Все бумажки в порядке, не придерешься...

– Я не про это спрашиваю, – резко перебил его подполковник, – о его появлении в городе мы и без тебя узнали. Только я не поверю, чтобы такой человек, как Счастливчик, мог просто так приехать в Москву. Дело он готовит крупное, и ты, Пирожков, наверняка что-нибудь слышал.

– Ничего не слышал, – удивленно сказал Пирожков, – я думал, он просто так приехал в Первопрестольную. Покуражиться, погулять и потом за бугор рвануть. Деньги у него есть, и немаленькие. Зачем ему здесь еще одно дело затевать. У него и с прежних дел большие бабки остались. Одно слово

– Счастливчик, – с завистью сказал Пирожков.

Гвоздев еще раз посмотрел на сидевшего перед ним агента. Он вдруг понял, что можно использовать именно эти качества Пирожкова: его зависть к богатству и удаче Счастливчика.

– Он ведь всегда сухим из воды выходит, – напомнил подполковник.

– Всегда, – ухмыльнулся Пирожков, – его никакая пуля не берет.

– По нашим расчетам, у него в загорщике ценностей на несколько десятков миллионов долларов, – спокойно сообщил Гвоздев.

– Иди ты! – не сумел скрыть своей растерянности от такой невероятной суммы бандит. Он был явно расстроен.

– И теперь он скоро отбудет куда-нибудь в Монте-Карло, чтобы свои денежки там тратить, – продолжал дразнить бандита подполковник, – а вам всем ручкой помашет.

– Везет ему. Он человек умный, – с уважением сказал Пирожков.

– А если умный, зачем тогда в Москву приехал? Что он, в другом месте покуражиться не мог? Ты бы на его месте с такими деньгами что сделал? Сразу бы рванул куда-нибудь подальше. И от нас, и от вас.

– Да, – задумчиво подтвердил Пирожков, – а вдруг он деньги свои вывезти не может?

Гвоздев сел и так выразительно посмотрел на своего собе-

седника, что тот сразу смутился, поняв, что сказал глупость. И лишь тогда подполковник заметил:

– Это он-то не может? Да за такие деньги можно всю таможню купить и любые ценности вывезти.

– Это правда, – согласился Пирожков и невольно изменившимся голосом еще раз сказал: – Он человек умный.

– Видимо, не совсем, – сразу вставил Гвоздев, – если в Москву приехал. Он ведь так просто не приедет. Значит, у него дело крупное намечается. Очень крупное. Ты меня понимаешь? Такое крупное, что он согласился все свои деньги на кон поставить и в Москву приехать.

Пирожков молчал. Было видно, как он мучительно раздумывает. И как решает для себя самые разные вопросы. Гвоздев чуть усмехнулся. Расчет на жадность бандита оказался верным.

– Может быть, – наконец сказал Пирожков, – все может быть.

– Поэтому я сюда и приехал, – строго продолжал Гвоздев, – нужно, чтобы ты на него вышел. Я думаю – дело будет очень крупное. Но не всегда же Счастливичику должно везти. Может, повезет в этот раз кому-нибудь другому?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.